

УДК 34.01:342.7:327

ПРАВОВОЙ И ПРАВСТВЕННЫЙ КРИТЕРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ И ДОНБАССЕ

Бабуриин Сергей Николаевич,

д-р юрид. наук, профессор,

e-mail: 1357343@mail.ru,

Институт государства и права РАН, г. Москва,

Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва

Рассматривается проблема миротворческих возможностей в вооруженных конфликтах на постсоветском пространстве, основные причины конфликтов, роль в них морали и психологии, национального самосознания, культурно-исторических, религиозных и социально-экономических особенностей регионов нестабильности. С применением историко-сравнительного, формально-юридического и других методов исследования автор предпринимает попытку выявить правовые критерии политических путей мирного урегулирования конфликтов, особо выделяя политико-правовую ситуацию конфликтов между Молдовой и Приднестровьем, между Украиной и республиками Донбасса. В заключении рассматриваются условия признания государств, возникших в зонах конфликтов, как наиболее эффективного способа политического и правового разрешения существующих проблем.

Ключевые слова: признание государств, права человека, национальное самосознание, международное право, нравственность, конституционные гарантии, вооруженный конфликт, политическое решение

LEGAL AND MORAL CRITERIA OF POLITICAL DECISION IN THE INTERNATIONAL ARMED CONFLICT IN THE TRANSNISTRIA AND DONBASSE

Baburin S.N.,

doctor of law, professor,

e-mail: 1357343@mail.ru,

Institute State and Law RAS, Moscow,

Moscow Witte University, Moscow

The problem of peacekeeping capabilities in armed conflicts in the post-Soviet space, the main causes of conflicts, the role of morality and psychology, national identity, cultural-historical, religious and socio-economic features of the regions of instability. Using historical, comparative, formal-legal and other methods of research, the author attempts to identify the legal criteria for peaceful conflict resolution, highlighting the political and legal situation conflicts between Moldova and Transnistria, between Ukraine and the Donbass republics. The conclusion considers the recognition of States that have arisen in conflict zones as the most effective way of political and legal resolution of existing problems.

Keywords: recognition of states, human rights, national identity, international law, morality, constitutional guarantees, armed conflict, political solution

DOI 10.21777/2587-9472-2019-3-7-15

Введение

ХХI век от Р.Х. Вновь войны, вооруженные конфликты... В том числе самая горькая для русского человека – гражданская война в Донбассе. «Все то, что сегодня происходит в мире, совершается не потому, что так хочет Бог, а потому, что так хочет дьявол. Его искушения и соблазны настолько привлекательны, что не просто влияют на способы нашего мышления и волевые установки, но по сути дела формируют облик человеческой цивилизации» [10, с. 711]. Эти слова Святейшего Патриарха Мо-

сковского и всея Руси Кирилла очень точно отражают динамику современной международной ситуации и бушующих ныне вооруженных конфликтов.

Самой природой государств их юрисдикции выступают как зоны принуждения к соблюдению права¹, а территориальная власть, по выражению М. Капустина, выражается в приложении законов и в исключении иноземного вмешательства [8, с. 202]. Каковы же правовые и политические особенности современных вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве? Каковы критерии их мирного урегулирования?

В любом вооруженном конфликте целью сторон является угодное им послевоенное, прежде всего территориальное урегулирование (см., напр.: [14, с. 143–148]). К счастью, ушли в прошлое времена, когда утописты и традиционалисты, как их тогда называли, спорили в США, да и не только в США, над тем, для какой цели нужно иметь термоядерные средства – для предотвращения тотальной войны или для победы в термоядерном конфликте [5, с. 31]. Уже к концу XX века стало очевидно, что победителей в ядерной войне не будет. Однако после гибели СССР и советской системы международной безопасности стали множиться вооруженные конфликты с применением обычных вооружений. Обострились и гражданские конфликты внутри многих государств. По-прежнему сложен поиск политического решения в вооруженном конфликте, когда в острых спорах решается вопрос о выборе правового регулирования, качестве применяемых норм, удачности правоприменения.

1. Правовое и нравственное в политических решениях межгосударственных конфликтов в Приднестровье и Донбассе

Исходная позиция, порождающая на западе непонимание реальной ситуации, причин и возможных путей разрешения вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве, состоит в простом нежелании признать, что в Приднестровье и Донбассе имеют место межгосударственные конфликты, сторонами которых выступают государства, некогда составлявшие единое целое: Молдова и Приднестровская Молдавская Республика, Украина – и Донецкая и Луганская народные республики. Этого не хотят признать прежде всего Молдова и Украина.

Действия политических наследников и продолжателей шовинистической нетерпимости С. Бандеры, пришедших после государственного переворота 2014 года к власти в современной Украине, по многим признакам являются геноцидом против жителей восточной Украины, пусть такая политика ими и не декларируется открыто. Уничтожение русского и русскоговорящего населения Донбасса «респектабельно» прикрывается риторикой о защите территориальной целостности Украины, продолжая ряд уже имевших место в истории случаев геноцида против собственного народа (см., напр.: [4, с. 7–18]). Именно в силу необходимости принять меры к собственному спасению и защите своей культурно-национальной самоидентичности население Донбасса при соблюдении норм и принципов международного права разорвало свои государственно-правовые связи с Украиной, провозгласив две независимых республики.

Граждане Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР) живут по единственно верному нравственному принципу – не отчаиваться в собственной судьбе означает уважать самих себя. Они с оружием в руках защищают свое право на цивилизационный выбор, не оглядываясь ни на кого.

Да, они надеются на Россию, но не прячутся за ее спину. Они надеются на международное право, но не опускают рук от бесконечной международной несправедливости. Не случайно выдающийся военный теоретик К. Клаузевиц был убежден, что главными условиями успеха любой армии в войне являются победная психология и мораль, сам победный дух. Поскольку целью любой войны является достижение мира на благоприятных для победителя условиях, то война, писал он, есть не что иное, как продолжение политики другими средствами (см.: [9]).

Тем не менее, любой военный конфликт завершается политическими решениями, в основе которых, особенно в современную нам эпоху, лежат правовые и нравственные критерии. Именно эти

¹ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник. – М., 1997. – 432 с. – С. 217.

критерии заставили записать в Уставе ООН, созданной в целях «вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, ... в равенство прав больших и малых наций», обязательство членов ООН поддерживать международный мир и безопасность «в согласии с принципами справедливости и международного права»². Важно, что и в новейшее время международное сообщество подчеркнуло как свою убежденность в том, что «дружественные отношения между народами, а также мир, справедливость, стабильность и демократия требуют того, чтобы этническая, культурная, языковая и религиозная самобытность национальных меньшинств была защищена и чтобы создавались условия для поощрения этой самобытности», так и свою приверженность защите и развитию культурного наследия народов во всем его богатстве и разнообразии³.

Проблеме предотвращения вооруженных конфликтов был посвящен целый доклад Генерального секретаря ООН, в котором Кофи А. Аннан, признавая важное значение того, как государства – члены ООН определяют свои национальные интересы в контексте того или иного конкретного кризиса, сетовал на крайнюю сложность конфликтов и ожесточенное упрямство воюющих сторон, которые ведут к безуспешности усилий ООН [11, с. 522, 523]. Рассматривая указанные в докладе принципы предотвращения конфликтов, нельзя не отметить, что если превентивные действия должны быть направлены главным образом на устранение коренных социально-экономических, культурных, экологических, институциональных, политических и иных структурных причин, «которые зачастую скрыты под внешними признаками конфликтов» [11, с. 523, 524], то именно эти ключевые для понимания ситуации причины и были проигнорированы как официальной властью бандеровского Киева, так и международным сообществом, начиная с США, Европейского Союза и ООН. Инициатива вооруженного конфликта в Донбассе принадлежит только официальному Киеву, новорожденные республики лишь пытаются выжить, обороняясь.

Нравственная оценка современной политики требует руководствоваться Христовыми заповедями, требует помнить слова св. Антония Великого: «Не то грех, что делается по закону естества, но то, когда по произволению делают что худое» [6, с. 69]. Именно худыми, безнравственными и противоправными делами только и можно считать обстрел украинскими войсками жилых кварталов Донецка и Луганска, сел и поселков Донбасса, впрочем, как и само применение оружия против людей, которых при этом сами продолжают считать гражданами Украины, вспоминают и о конституционных гарантиях прав граждан Украины.

Нравственный и правовой критерии переплетаются и взаимно дополняют друг друга, поскольку требуют, чтобы в основу политического решения были положены уважение достоинства, прав и свобод человека и гражданина. «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» (ст. 1 Всеобщей декларации прав человека)⁴. Во Всеобщей декларации особо подчеркнуто: в обладании человеком правами и свободами не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете (ст. 2 Всеобщей декларации). Это уже не только нравственный, но и правовой императив.

Особо оговорено, что каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором его права и свободы могут быть полностью осуществлены (ст. 28 Всеобщей декларации). А ведь именно с возражений против принятия 23 февраля 2014 года Верховной Радой Украины закона об отмене принятого в 2012 году закона об основах государственной языковой политики, на основе которого русский язык получил статус регионального в 13 из 27 регионов Украины, и начался протест

² Устав Организации Объединенных Наций, 26 июня 1945 г. // Действующее международное право: в 3 т. / сост. Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. – М.: Изд-во Моск. Независимого института международного права, 1996. – Т. 1. – С. 7, 8.

³ Парижская хартия для Новой Европы (Итоговый документ Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Париже), 21 ноября 1990 г. // Действующее международное право: в 3 т. / сост. Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. – М.: Изд-во Моск. Независимого института международного права, 1996. – Т. 1. – С. 47, 51.

⁴ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.01.2020).

Юго-Востока Украины⁵. В той же Луганской области по переписи 2001 года русский язык назвали родным 68,8 % населения (украинский – 30 %), а в Донецкой области – 74,9 % и 24,1 % соответственно⁶.

Законно избранный Луганский областной совет в своем решении от 2 марта 2014 года № 23/1, используя свои конституционные права, охарактеризовал как нелегитимные органы власти, сформированные Верховной Радой после свержения Президента В. Януковича, и призвал центр расширить автономию регионов (провести федерализацию Украины). В ответ жители Луганска получили силовые акции СБУ.

Политическое решение вооруженного конфликта. При анализе понятий «государственное» и «политическое» и ныне представляют практический теоретико-правовой интерес размышления об отношении между понятиями «война» и «враг» видного немецкого государствоведа К. Шмитта [15, с. 381–390]. Этот немецкий мыслитель первой половины XX века подчеркивал, что при тотальной войне – а гражданская война, внутренний вооруженный конфликт является именно такой войной, когда «враг наличествует, даже если непосредственные, острые военные и враждебные действия прекратились» – война есть все (все действия и состояния), что порождается враждой, агрессор определяется как враг, а главное – снимается различие между комбатантом и нонкомбатантом [15, с. 381, 382, 389], т.е. лицами, принимающими непосредственное участие в боевых действиях в составе вооруженных сил и имеющими в этом качестве особый юридический статус, закрепленный Женевскими конвенциями и Дополнительного протокола I к ним (ст. 43), и лицами, таковыми не являющимися, хотя порой также участвующими в боевых действиях. Нонкомбатанты не входят в вооруженные силы сторон, участвующих в конфликте, против них не должно применяться оружие. Они не должны являться ни непосредственным объектом вооруженного нападения противника, ни его субъектом (определение IV Гаагской конвенции).

Для длящейся уже несколько лет вооруженной борьбы в Донбассе, где стороны разделены не этнически, экономически или религиозно, а мировоззренчески, сохраняет свою актуальность анализ К. Шмитта сути тотальной войны, в которой происходит диалектическое снятие различия между комбатантом и нонкомбатантом. Меняются обе стороны, война ведется на совершенно новом, более высоком уровне как враждебные действия, уже не только сугубо милитаристские. Тотализация, подчеркивает К. Шмитт, состоит здесь в том, что и немилитаристские (невоенные) предметные области (хозяйство, пропаганда, психические и моральные энергии нонкомбатантов) включаются во враждебное противостояние. Выход за пределы чистого милитаризма дает не только количественное расширение, но и качественное усиление [15, с. 389]. Поэтому выход за пределы чисто военного противостояния оказывается не смягчением вражды, а ее интенсификацией. Одна только возможность такого усиления интенсивности вновь делает политическими понятия друга и врага как таковые, и даже там, где их политический характер стал совершенно незаметным, они перестают быть родом частных и психологических высказываний.

Оставим в стороне политические решения вооруженных конфликтов в Нагорном Карабахе и Южной Осетии, в Абхазии, Боснии и Герцеговине, Косово и Метохии, Ливии и Сирии, поскольку в них решающими факторами были этнические, религиозные и внешнеполитические силы. Остановимся для примера на близком Донбассу по своим внутренним механизмам вооруженном конфликте 1991–1992 годов в Приднестровье.

Вооруженные конфликты в Приднестровье и Донбассе были начаты центральной властью государств Молдовы и Украины при антиконституционной смене государственного курса, игнорировавшего интересы и настроения жителей соответствующих территорий.

Нравственный критерий политического решения в вооруженном конфликте и в Приднестровье, и в Донбассе основывается на сбережении единой для Русской (Восточно-Христианской) цивилизации системы моральных и культурно-исторических ценностей и традиций, на сохранении русской общности.

Правовым критерием политических решений современных вооруженных конфликтов могут быть только двусторонние или многосторонние акты, соответствующие как национальному, так и международному праву. В Приднестровье прорумынские политические силы вели курс на слив Молдавии в

⁵ Опасения русского населения Украины были небеспочвенны. 28 февраля 2018 г. закон 2012 г. об основах государственной языковой политики признан неконституционным и утратил силу.

⁶ См.: Статистична інформація [Електронний ресурс]. – URL: http://www.donetskstat.gov.ua/statinform/chisl_ruh1.php?dn=0914 (дата обращения: 04.01.2020).

состав Румынии. Парламент Молдовы 28 июня 1990 года объявил создание Молдавской ССР незаконным актом, а Бессарабию и Северную Буковину – оккупированными румынскими территориями. Был признан ничтожным Закон СССР 1940 года о создании Молдавской ССР, который и создал республику путем объединения возвращенной Румынией Бессарабии с Молдавской АССР. Жителей Левобережья, никогда не находившегося в Румынии и не желающего туда попасть в наши дни, фактически вытолкнули из состава нового государства – Республики Молдова, и Левобережье в целях самозащиты было просто вынуждено создать Приднестровскую Молдавскую Республику, а когда Молдова и Румыния силой захотели захватить непокорную территорию – отстояло свое право цивилизационного выбора силой оружия.

2. Поиски политических решений. Проблема признания рождающихся государств

Вооруженный конфликт, унесший тысячи жизней, провоцировался из Кишинева тоже законопроектом «О государственном языке» (1989 г.), устанавливавшим только один язык государственным, перевод молдавского языка с кириллицы на латиницу, а всего делопроизводства – только на молдавский язык. Молдовой была принята румынская государственная символика.

Окончательного политического урегулирования в Приднестровье нет до сих пор, но вооруженный конфликт завершен политико-правовыми решениями Молдовы и ПМР при посредничестве России, Украины и ОБСЕ. Первым таким решением в Приднестровье стало Соглашение «О принципах урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова» от 21 июля 1992 года, подписанное в Москве президентами России и Молдовы в присутствии главы ПМР И.Н. Смирнова.

Принципиально важным рубежом политического решения по урегулированию замороженного молдово-приднестровского вооруженного конфликта стал Меморандум «Об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем» от 17 июня 1996 года, за которым последовали меморандумы от 28 июня 1996 года, от 8 мая 1997 года, в которых Молдова и Приднестровье признавались равноправными Сторонами переговорного процесса.

Ныне остро стоит вопрос о политико-правовом урегулировании вооруженного конфликта в Донбассе. Опыренный бандеровской идеологией Киев категорически не желает потерять из-под своей юрисдикции территорию востока Украины, пытается сохранить ее даже ценой уничтожения или насильственного вытеснения за рубежи всего несогласного с ним населения. А граждане ДНР и ЛНР не желают ни умирать, ни выезжать в Россию, ни утрачивать духовно-нравственную и культурно-историческую основу своего национального самосознания.

На базе своего национального законодательства урегулировать вооруженный конфликт в Донбассе Украина не хочет. В основе нежелания – дефект конституционно-правовой идеологии современной Украины, не позволяющий создать условия для свободного развития лицам разных национальностей и языковых предпочтений. Вот и продолжается некая, по словам С.А. Авакьяна, общегосударственная игра, участники которой «давно поняли дефектность идеи, но поскольку она отражена в Конституции, скрывают это и делают вид, что реализуют ее» [1, с. 17]. А чем дальше, тем больше, когда Украина просто уже не сможет в одностороннем порядке ничего сделать, поскольку непризнанные, но реально существующие независимые республики не признают ее унитарную юрисдикцию и твердо отстаивают свой суверенитет.

Международно-правовые основания политического урегулирования вооруженного конфликта заложены Минским протоколом от 5 сентября 2014 года, подписанным полномочными представителями ОБСЕ, Украины, России, ДНР и ЛНР, а также последовавшими за протоколом Минскими соглашениями Сторон. Комплекс намеченных мер был поддержан на высшем уровне совместной Декларацией глав Российской Федерации, Украины, Франции и Германии, твердо убежденных «в безальтернативности исключительно мирного урегулирования»⁷, но украинской стороной выполнен не был. Особый ре-

⁷ Полный текст Минских соглашений – РИА Новости, 12.02.2015 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ria.ru/20150212/1047311428.html> (дата обращения: 04.01.2020).

жим автономии территориям ДНР и ЛНР законом Украины в оговоренные сроки предоставлен не был. Более того, были продолжены обстрелы со стороны Украины территории непризнанных республик, повлекшие все новые и новые жертвы среди мирного населения.

Потенциал Минских договоренностей исчерпан нравственно и политически. В правовом отношении они оказались несостоятельны. Стоит вопрос, а на каких же основах может строиться успешное политическое решение затянувшегося вооруженного конфликта.

Убежден, что только на пути дипломатического признания. Но и непризнание не может служить основанием для нарушения территориального верховенства нового государства, для военного вторжения и т.п. Государство должно быть признано, если оно удовлетворяет определенным условиям, формулируемым международным правом [12, с. 122, 123]. Условия эти изначально сводятся к вопросу эффективности государственной власти на данной территории, то есть международное право признает государство, если таковое существует на деле [7, с. 36–40; 12, с. 122, 123; 13, с. 288–291].

Существует Конвенция о правах и обязанностях государств, подписанная на VII Панамериканской конференции в Монтевидео 26 декабря 1933 года, в ст. 1 которой определено, что государство как субъект международного права должно обладать следующими чертами: а) постоянным населением; б) определенной территорией; в) правительством; г) способностью вступать в сношения с другими государствами⁸. ДНР, ЛНР, ПМР такими чертами обладают. Как обладали с 1991 года и Абхазия, и Южная Осетия, дипломатически признанные Россией только в 2008 году.

Вопрос о признании международной правосубъектности любого нового государства решается всегда с позиции соответствия политическим интересам объявляющего о признании государства. В 1849 году правительство США отказало в признании независимости Венгрии юридически только потому, что революционное правительство не контролировало твердо и уверенно своей территории. Политически – из-за нежелания входить в конфликт с монархами Европы. Задержка в признании Советской России формально объяснялась государствами Европы в правовом отношении тоже причиной отсутствия контроля новой власти над собственной территорией, фактически же – нежеланием признавать победившую Русскую революцию и ее новые социальные ценности.

Признание государства «всего лишь означает, что государство, которое его признает, принимает правосубъектность другого государства со всеми правами и обязанностями, установленными международным правом. Признание является безусловным и бесповоротным» (ст. 6 Конвенции Монтевидео 1933 г.). ДНР, ЛНР и ПМР обладают международной правосубъектностью уже потому, что способны участвовать в международных правоотношениях. Следует иметь в виду и такой отмеченный Л.П. Ануфриевой момент, как то, что «способность иметь международно-правовые права и обязанности всегда отличается от реального, фактического владения ими на основании вступления в правоотношения» [2, с. 32].

Двойственность международных стандартов, применяемых в мире к ситуации с ДНР и ЛНР, проявляется через сравнение ситуации в Донбассе с ситуацией в сербском крае Косово и Метохия. Отделенное от Сербии при вторжении войск НАТО в 1999 году Косово дипломатически признано многими государствами Европы, но европейцы отказываются распространить косовский прецедент на Крым и Севастополь, говоря, что в Косово было много человеческих жертв, а Крым ушел в Россию без таковых. Логика извращенная, но тогда пусть ее применяют и к республикам Донбасса, где человеческих жертв уже очень много! Тем более, что в Письменном меморандуме США от 17 апреля 2009 года, представленном Международному Суду ООН в связи со слушаниями по Косово, написано: «Декларации о независимости могут, и часто так и происходит, нарушать внутреннее законодательство. Однако это не означает, что происходит нарушение международного права». Международный Суд ООН согласился с логикой США, признал 22 июля 2010 года право Косово на независимость, записав в своем решении: «Никакого общего запрета на одностороннее провозглашение независимости не вытекает из практики Совета Безопасности», и далее: «Общее международное право не содержит какого-либо применимого запрета на провозглашение независимости»⁹.

⁸ Конвенция о правах и обязанностях государств (г. Монтевидео, 26 декабря 1933 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.jonline.zakon.kz/Dokument/?doc_id=38249008 (дата обращения: 08.01.2020).

⁹ Цит. по: Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина, 18 марта 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 08.01.2020).

Государство возникает в тот момент, когда фактически зарождается верховная власть, господствующая над определенной территорией. «Политическое существование государства не зависит от признания другими государствами. Даже до признания государство имеет право защищать свою целостность и независимость для обеспечения его сохранения и процветания, и, следовательно, формировать себя таким образом, каким оно считает нужным, законодательствовать в соответствии с его интересами, управлять его услугами, а также определять юрисдикции и компетенции его судов. Осуществление этих прав не имеет иных ограничений кроме осуществления прав других государств в соответствии с нормами международного права» (ст. 3 Конвенции Монтевидео 1933 г.)¹⁰. Прецедент с дипломатическим признанием Косово есть. Он с полным на то основанием должен быть применим к Донецкой и Луганской народным республикам, к Приднестровской Молдавской Республике.

Акт дипломатического признания имеет не только правовое, но и нравственное значение. В этом случае речь идет о принятии государства в полноправные члены международного сообщества, чему обязательно предшествует решительная поддержка народом нового государства, борющегося за свое право на свободу и самостоятельное развитие.

Заключение

На основании изложенного, на примере Приднестровской Молдавской Республики, Донецкой и Луганской народных республик, можно выделить следующие нравственные и правовые критерии политического решения в современном вооруженном конфликте:

- взаимное уважение сторон к духовно-нравственным и культурно-историческим традициям населения, живущего в зоне конфликта;
- взаимный отказ от применения силы;
- стремление не к временному прекращению огня, а к устранению любых возможных причин для возобновления конфликта в будущем;
- при исчерпанности потенциала конституционно-правового разрешения конфликта переход на международно-правовую модель с использованием механизмов международного права, в том числе Конвенции о правах и обязанностях государств (Монтевидео, 26 декабря 1933 г.);
- опора на политическую волю народа, живущего в зоне вооруженного конфликта;
- формирование международного общественного мнения на основе проверенных реальных фактов и соблюдения в международных отношениях международно-правовых принципов.

Особую ответственность за отсутствие основанного на справедливости и праве политического решения по вооруженным конфликтам следует возлагать на глобальные средства массовой информации.

Неспособность услышать жителей ПМР, ДНР и ЛНР, огульно оскорбляемых на Западе клеймом «сепаратисты», нежелание объективно проанализировать правовую сторону затяжного вооруженного конфликта в Донбассе основаны на тотальной информационной лжи, имеющей целью подготовить мировое сообщество к необходимости выдачи «лицензии на убийство» (многие руководители сопротивления бандеровской агрессии уже убиты, в т. ч. глава ДНР А. Захарченко), как и на любые военные действия против «российских наемников и агентов».

Роковой, деструктивный фактор СМИ относится далеко не только к Приднестровью и Донбассу. В самых разных уголках мира они используют СМИ как оружие огромной силы для ведения информационной войны, которая по уже оформившейся традиции призвана перерасти в большую кровопролитную войну на широком фронте [3, с. 14–19]. Опробовав СМИ в 90-е годы XX века на Боснии и Сербской Краине, потом на Союзной Республике Югославии, затем на Афганистане и Ираке, Ливии и Сирии как оружие войны без правил, транснациональные корпорации, управляющие миром, применяют наработанный опыт информационного беспредела повсеместно, особенно ныне в отношении России.

¹⁰ Конвенция о правах и обязанностях государств (г. Монтевидео, 26 декабря 1933 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.jonline.zakon.kz/Dokument/?doc_id=38249008 (дата обращения: 08.01.2020).

Список литературы

1. *Авакьян С.А.* Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения: материалы международной научной конференции / под ред. С.А. Авакьяна (г. Москва, 28–31 марта 2007 г.). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. – С. 3–24.
2. *Ануфриева Л.П.* Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. – М.: Спарк, 2002. – С. 32.
3. *Васильков А.Ю.* СМИ как оружие войны без правил // Национальные интересы. – 2012. – № 2. – С. 14–19.
4. *Глазьев С.Ю.* Геноцид. – М.: ТЕРРА, 1998. – 320 с.
5. *Джордж Лоу.* Век утрашения: пер. с англ. – М.: Воениздат, 1966. – 272 с.
6. Добротолубие: дополненное: в 5 т. / в русском пер. святителя Феофана, Затворника Вышенского. Т. 1. – М.: Сибирская Благовонница, 2014. – С. 62–69.
7. *Казанский П.* Учебник международного права публичного и гражданского. – 2-е изд. – Одесса, 1904. – С. 36–40.
8. *Капустин М.* Международное право // Золотой фонд российской науки международного права. – М., 2007. – Т. 1. – 365 с.
9. *Карл фон Клаузевиц.* О войне [Электронный ресурс]. – URL: https://www.fictionbook.ru/author/karl_fon_klauzevic/o_voyine_chasti_1_4/read_online.html (дата обращения: 09.01.2020).
10. *Кирилл,* Патриарх Московский и всея Руси. Слово пастыря (1991–2011). Собрание трудов. Серия II. Т. 1. – М.: Изд-во Московской патриархии РПЦ, 2013. – 848 с.
11. *Кофи А. Аннан.* Предотвращение вооруженных конфликтов. Доклад Генерального секретаря Организации Объединенных Наций (S/2002/574) // Безопасность Евразии. – 2002. – № 3 (9). – С. 520–542.
12. *Левин И.Д.* Суверенитет: переиздание. – СПб.: Юридический Центр-Пресс, 2003. – 373 с.
13. *Мартенс Ф.* Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 1. – М.: Зерцало, 2008. – С. 288–291.
14. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И.М. Рагимов [и др.]. – СПб.: Юридический Центр-Академия, 2019. – 344 с.
15. *Шмитт К.* Понятие политического / пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. – СПб.: Наука, 2016. – 567 с.

References

1. *Avak'yan S.A.* Probely i defekty v konstitucionnom prave i puti ih ustraneniya // Probely i defekty v konstitucionnom prave i puti ih ustraneniya: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / pod red. S.A. Avak'yana (g. Moskva, 28–31 marta 2007 g.). – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2008. – S. 3–24.
2. *Anufrieva L.P.* Sootnoshenie mezhdunarodnogo publichnogo i mezhdunarodnogo chastnogo prava: pravovye kategorii. – M.: Spark, 2002. – S. 32.
3. *Vasil'kov A.Yu.* SMI kak oruzhie vojny bez pravil // Nacional'nye interesy. – 2012. – № 2. – S. 14–19.
4. *Glaz'ev S.Yu.* Genocid. – M.: TERRA, 1998. – 320 s.
5. *Dzhordzh Lou.* Vek ustrasheniya: per. s angl. – M.: Voenizdat, 1966. – 272 s.
6. Dobrotolyubie: dopolnennoe: v 5 t. / v russkom per. svyatitelya Feofana, Zatvornika Vyshenskogo. T. 1. – M.: Sibirskaya Blagovonnica, 2014. – S. 62–69.
7. *Kazanskij P.* Uchebnik mezhdunarodnogo prava publichnogo i grazhdanskogo. – 2-e izd. – Odessa, 1904. – S. 36–40.
8. *Kapustin M.* Mezhdunarodnoe pravo // Zolotoj fond rossijskoj nauki mezhdunarodnogo prava. – M., 2007. – T. 1. – 365 s.
9. *Karl fon Klauzevic.* O vojne [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.fictionbook.ru/author/karl_fon_klauzevic/o_voyine_chasti_1_4/read_online.html (data obrashcheniya: 09.01.2020).
10. *Kirill,* Patriarh Moskovskij i vseya Rusi. Slovo pastyrya (1991–2011). Sobranie trudov. Seriya II. T. 1. – M.: Izd-vo Moskovskoj patriarii RPC, 2013. – 848 s.
11. *Kofi A. Annan.* Predotvrashchenie vooruzhennyh konfliktov. Doklad General'nogo sekretarya Organizacii Ob'edinennyh Nacij (S/2002/574) // Bezopasnost' Evrazii. – 2002. – № 3 (9). – S. 520–542.

12. *Levin I.D.* Suverenitet: pereizdanie. – SPb.: Yuridicheskij Centr-Press, 2003. – 373 с.
13. *Martens F.* Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannyh narodov: v 2 t. T. 1. – M.: Zerkalo, 2008. – S. 288–291.
14. Sovremennoe gosudarstvo v epohu global'nyh transformacij: analiticheskij doklad / I.M. Ragimov [i dr.]. – SPb.: Yuridicheskij Centr-Akademiya, 2019. – 344 с.
15. *Shmitt K.* Ponyatie politicheskogo / per. s nem. pod red. A.F. Filippova. – SPb.: Nauka, 2016. – 567 с.